

*Е.Н. Наземцева**

**Проблема правопреемственности имущества
бывшей Российской империи
в советско-китайских отношениях 1920-х гг.**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается на основании опубликованных и неопубликованных архивных документов влияние проблемы правопреемственности имущества бывшей Российской империи на советско-китайские отношения 1920-х гг. и на положение русской эмиграции в Китае. Особое внимание уделяется вопросу юридического статуса КВЖД, передаче зданий бывших российских консульств СССР, имущества бывших российских духовных миссий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская эмиграция, КВЖД, международная политика, дипломатия.

Одним из главных вопросов в контексте проблемы правопреемственности имущества бывшей Российской империи стал вопрос о Китайской Восточной железной дороге (КВЖД).

Китайская сторона выдвигала условие полного возврата КВЖД Китаю в обмен на дипломатическое признание СССР. После своего прибытия в Пекин в сентябре 1923 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахан разделил проблему КВЖД на два вопроса. Он не оспаривал прав Китая на КВЖД, но утверждал, что поскольку КВЖД построена на средства России, то права собственности в отношении КВЖД принадлежали СССР. Однако руководство Китайской Республики считало это ущемлением своих суверенных прав [3, с. 437]. Следует отметить, что в 1920-е гг. предпринимались попытки сохранить за КВЖД прежние дореволюционные права, выведя её из-под юрисдикции китайских властей и РСФСР. В

* Елена Николаевна Наземцева, к.и.н., н.с. НИИ военной истории Военной академии ГШ ВС РФ, Москва, Россия; E-mail: elenanazz@mail.ru

определённой мере они удались благодаря установлению контроля над КВЖД со стороны Межсоюзнического технического Совета из представителей стран-акционеров [4, с. 103]. Тем не менее, только после заключения советско-китайского соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и Китаем вопрос о КВЖД был решён: было принято решение о совместном управлении дорогой двумя государствами.

Борьба за сохранение юридического статуса КВЖД стала особой правовой проблемой для российской диаспоры. После установления советско-китайских дипломатических отношений служащие КВЖД были поставлены перед выбором китайского или советского гражданства. Не определившиеся с выбором были лишены права работать на КВЖД, служить в охранных и полицейских подразделениях. Принятие же советского гражданства гарантировало и работу, и получение стабильного заработка [4, с. 104].

Другим аспектом проблемы правопреемственности стала передача зданий бывших российских консульств СССР. Л.М. Карахан прекрасно понимал объёмы предстоящей работы как с точки зрения политической, так и с точки зрения финансовой, поэтому просил у НКВД выделить необходимые средства [5, с. 189]. Кроме того, поскольку после установления дипломатических отношений ещё не были назначены консулы, он приказал выписать из Харбина и Читы людей для фактической охраны имущества до назначения и приезда консулов [там же]. В письме Г.В. Чичерину от 11 марта 1924 г. он писал: «Для того, чтобы овладеть этим имуществом, нужны может быть будут десятки людей для того, чтобы разослать их во все концы Китая. Мы не можем отказаться от приёмки этого имущества только потому, что нет людей для того, чтобы принять его. Это тоже серьёзный вопрос и потребует специальных сумм» [там же]. Кроме того, если консульское имущество, которое находилось в Пекине, советская сторона намеревалась получить быстро, то по мнению, Л.М. Карахана, «в провинции не везде это пройдёт безболезненно» [5, с. 209]. Причина заключалась просто в отсутствии необходимых для этого людей. Имущество некому было принимать. Имеющийся штат сотрудников был для этого недостаточен, и Карахан рассчитывал на новых людей: «если не на должность консулов и консульских чиновников, то хотя бы на должность завхозов» [5, с. 210].

Однако процесс передачи бывшего российского консульства в Пекине проходил не так легко, как на это рассчитывали советские представители. Дипкорпус не желал принимать советских посланников и соответственно идти навстречу, в том числе и в вопросе передачи консульского имущества бывшей Российской империи. Ещё в

полицейского, ни часового. Ворота его в течение всего дня до поздней ночи открыты, внутри него проживают два-три чиновника, настроенных довольно мирно, и наше появление привело бы только к тому, что они сложили бы чемоданы и выехали бы. Мне ничего не стоит собрать всю нашу публику, человек 10–15, посадить на автомобиль и отправить в посольство. Они совершенно свободно въедут, закроют ворота, поднимут наш флаг, и фактически посольство будет в наших руках» [5, с. 254]. Просчитав все возможные последствия, Карахан пришел к выводу, что на протесты дипкорпуса можно ответить, а применить силу никто не осмелится: «Независимо от того, в каком порядке мы очутились в посольском здании, посольское здание экстерриториально как таковое, и никто не посмеет этого сделать» [там же].

Г.В. Чичерин был, безусловно, против подобных действий. Он считал недопустимым обращаться к западным державам за помощью в разрешении вопроса о консульском имуществе [5, с. 265]. Кроме того, по его мнению, денонсирование боксёрского протокола возвращало миссию в её первоначальное состояние, т.е. выделяло из комплекса учреждений и зданий, подчинённой коллективной экстерриториальности, и возвращало её в состояние обычной экстерриториальности полпредства с известными взаимными правами предоставляемого им правительства и правительства его пребывания [5, с. 266]. Лишь к середине августа удалось получить согласие большинства представителей дипкорпуса. Помимо этого, Карахан настаивал на рассмотрении советской стороны как консигнатора протокола 1901 (боксёрского. — *Е.Н.*) [5, с. 310], причём Чичерин поддерживал в этом Карахана. Протокол 1904 г. от 31 мая советская сторона аннулировала в соответствии с декларацией о восточных договорах в ноябре 1917 г., протокол же 1901 г. предполагалось денонсировать после занятия здания [5, с. 322].

В других городах передача консульского имущества проходила по-разному. В Чифу и Ханькоу консульства были переданы безболезненно. В Тяньцзине местный комиссар иностранных дел оказался очень тесно связан с бывшим русским генеральным консулом П.Г. Тидеманом, который проживал в консульском здании и отказался его покидать [5, с. 256].

Свои особенности процесс передачи консульского здания и имущества имел в Шанхае. В здании русского консульства находилось Бюро по русским делам. 9 июня 1924 г. представитель Комиссариата по иностранным делам провинции Цзянсу получил от МИДа пекинского правительства телеграмму по поводу передачи здания консульства. Однако сотрудники Бюро не спешили его покидать.

Секретарь Бюро по русским делам в Шанхае К.Э. Мещлер считал, что вопрос о передаче имущества правительства старой России должен обсуждаться дипломатическим корпусом в Пекине. Кроме того, сотрудники Бюро в течение короткого времени — нескольких дней — просто не смогли покинуть здание [2, с. 153]. По мнению китайского исследователя Ван Чжичэна, основное препятствие в передаче помещения консульства России в Шанхае в руки советской стороны заключалось в том, что русские сотрудники Бюро продолжали держать в руках все счета и ведомости, документы и не желали их передавать, ссылаясь на то, что они ещё не завершили работу, а китайская сторона некомпетентна в этих вопросах. К тому же китайские власти не могли насильно заставить бывшего русского генерального консула В.Ф. Гроссе передать помещение консульства России, так как оно было расположено на территории иностранной концессии [2, с. 155]. Однако Л.М. Карахан был убеждён в том, что местный комиссар иностранных дел был весьма враждебно настроен по отношению к советскому представителю и находился под влиянием Гроссе [5, с. 256], поэтому расценивал ситуацию как откровенный саботаж и направил ноту протеста В. Ку, обвиняя представителей местной китайской власти в сочувствии к белым. Последний обещал разрешить проблему как в Шанхае, так и в Тяньцзине [там же]. 12 июня 1924 г. Комиссариат по иностранным делам провинции Цзянсу получил из МИДа пекинского правительства телеграмму, согласно которой полномочным представителем СССР в Шанхае был назначен Р.Ж. Ильде, в задачу которого входил приём помещения бывшего консульства Российской империи. Было приказано по приезде Ильде в Шанхай принять его в соответствии со статутом и обеспечить передачу здания консульства [2, с. 154].

29 июня 1924 г. представитель Китая в Москве Ли Цзяо посетил Г.В. Чичерина и уверил его в том, что 27 июня была послана телеграмма дипкорпусу с требованием передачи здания, вопрос с консульством в Тяньцзине улажен, передача консульских зданий в Шанхае и Чифу готовится, а все Бюро охраны интересов российских подданных, т.е. белых русских, будут закрыты 1 июля [5, с. 270]. В этот же день, 29 июня, дуайен консульского корпуса в Шанхае (генконсул Италии в Шанхае) отправил письмо в Комиссариат по иностранным делам, в котором сообщил, что гарантийная ответственность консульского корпуса за неприкосновенность консульства России уже истекла. 1 июля все документы Бюро по русским делам были переданы Комиссариату по иностранным делам во главе с Сюй Юанем [2, с. 157]. Однако 13 июля поздно ночью более 30 русских офицеров и солдат ворвались в здание и отказались его покидать, заявив, что они

здесь по приказу генерала Ф.Л. Глебова [2, с. 156]. Только 23 июля все русские сотрудники, находившиеся в консульстве, покинули помещение. Все дела были переданы Комиссариату по иностранным делам в Шанхае. 24 июля 1924 г. Р.Ж. Ильде и его помощник В.Н. Черкасов провели процедуру приёма консульства. Китайская сторона передала им все документы и ведомости [2, с. 158]. Сразу же после этого Ильде был назначен исполняющим обязанности Генконсула, а Черкасов — первым секретарём консульства.

Таким образом, к концу июля 1924 г. были получены лишь четыре консульства: в Тяньцзине, Шанхае, Ханькоу и Чифу. Однако оставалось ещё около 15 консульских зданий в разных городах Китая. В некоторых из них всё ещё находились русские беженцы, вопрос о выселении которых оставался открытым [5, с. 285].

Другим важным вопросом являлась передача имущества бывших российских духовных миссий. Всего к концу 1917 г. Россия имела за границей 227 православных храмов. Из них в Китае — 30 [7, с. 34]. Китайское правительство считало нецелесообразной передачу их советскому правительству, так как опасалось реакции других стран [3, с. 439]. По мнению Карахана, «это громадное имущество здесь, в самом Пекине прежде всего и, кроме того, ряд домов и усадеб, разбросанных по всему Китаю» [5, с. 189]. Однако, по сути, оно находилось в руках у русских эмигрантов. Так же, как и в зданиях бывших русских консульств, в зданиях духовных миссий обосновались русские беженцы, и гражданские, и военные. Соответственно вставал уже не только политический, но и гуманитарный вопрос: об их высылке из зданий и предоставлении помещения для жизни. Но следовало учитывать, что все солдаты и офицеры, проживающие на территории миссии, находились под покровительством иностранных держав, в частности, Франции. Китайские же власти не собирались обострять отношения с французским государством, насильно выселяя русских беженцев. Лишь после уговоров Карахана они согласились обеспечить их выселение [5, с. 207].

Однако решить вопрос о передаче имущества духовных миссий было непросто не только с политической, но и с юридической стороны. Вопрос о самом имуществе являлся весьма спорным, поскольку формальная сторона дела оказалась выгодна китайской стороне. Советский Союз, по сути, не мог считать себя законным наследником духовной миссии, так как она была самостоятельным юридическим лицом на территории Китая и именно в качестве такого юридического лица получила права на существование и на деятельность в стране [5, с. 206]. Советский Союз вообще не имел права на владение недвижимой собственностью в Китае, так как это было запрещено иностран-

ным правительствам и иностранным гражданам на основании внутреннего китайского законодательства. Исключения, разумеется, были, например, это относилось к концессиям в Ханькоу, Тяньцзине и т.д. Однако СССР от них (т.е. от права экстерриториальности) отказался [там же].

Основное имущество русской духовной миссии находилось в Пекине и под Пекином в горах Патачу. В других местах имелись небольшие участки-скиты, которые, к тому же, были частично заложены, некоторые были проданы, а некоторые не представляли ценности вообще [там же]. Согласно подписанному с Китаем соглашению [6], китайское правительство должно было передать это имущество *китайскому гражданину или юридическому лицу*, которое может рекомендовать СССР. Это была обычная схема владения иностранцами собственностью в Китае. Затем, с китайцем или юридическим лицом советская сторона должна заключить соглашение об аренде у него на 99 лет участков духовной миссии, и только тогда это имущество *фактически* перейдёт во владение СССР [5, с. 207].

Только после Второй мировой войны с переходом православного духовенства Маньчжурии на советскую сторону произошла передача церковного имущества в собственность СССР. В декабре 1945 г. Харбинская епархия и Пекинская миссия Русской зарубежной православной церкви признали юрисдикцию Московской патриархии и были трансформированы в митрополичий округ, преобразованный позднее в Восточно-Азиатский экзархат [1, с. 167].

Вообще возврат имущества Российской империи предусматривался Проектом, подготовленным к советско-мукденской конференции. По нему права перешли к правительству СССР от царского правительства и «других бывших собственников» в порядке правопреемства предусмотренного 1-й Декларацией, приложенной к Пекинскому соглашению 1924 г.: 1) имущество бывших русских консульств; 2) имущество бывшего русского почтового ведомства; 3) имущество бывшего русского судебного ведомства; 4) имущество бывшего русского переселенческого ведомства; 5) имущество бывшего русского военного ведомства; 6) имущество, оставшееся после белогвардейских организаций; 7) церковное имущество; 8) имущество бывшего общества Красного Креста; 9) суда на Сунгари и Амуре, незаконно приобретённые от бывших русских частных владельцев, которые «ускользнули от национализации», а также имущество бывшего «Амурского» общества Пароходства и Торговли в Харбине [АВП РФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 15. Д. 31. Л. 98].

Необходимо отметить, что иногда имущество бывшей Российской империи переходило во владение её преемника — СССР на

добровольных началах. В одном из своих писем к Г.В. Чичерину Л.М. Карахан отмечал следующий факт. К полпреду обратился бывший военный агент царского правительства Татаринов с заявлением, что в его распоряжении находится правительственное имущество и суммы, которые он хотел бы передать советскому руководству. В ходе переговоров выяснилось, что имущество заключается в ряде зданий и земель, а суммы достигают 200 000 китайских долларов. Как отмечал Карахан, «это единственный случай, когда царский чиновник, имея возможность положить деньги в карман и сбежать, обращается к нам, выражая желание сдать их законному правительству» [5, с. 291]. Деньги были приняты и зачислены в фонд Гоминьдана [5, с. 292].

Таким образом, вопрос правопреемственности имущества Российской империи в Китае стал серьезной проблемой международных отношений на Дальнем Востоке. Для советского правительства было необходимо добиться признания со стороны иностранных государств. Кроме того, важной была позиция китайских властей. Однако вплоть до установления советско-китайских отношений в 1924 г. все стороны занимали противоречивую позицию.

Литература

1. *Аблажей Н.Н.* С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.
2. *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.
3. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимоотношений. М., 2004.
4. *Капран И.К.* Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006.
5. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. — 1926 г. М., 2008.
6. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой // Советско-китайские отношения 1917–1957 гг. Сб. док. М., 1959. С. 82–85.
7. *Чернявская Л.С.* Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей // Отечественные архивы. 2001. № 4.

*E.N. Nazemtseva**

The former Russian Empire property succession problem in the 1920s Soviet-Chinese relations

ABSTRACT: The paper is based on published and unpublished sources and discusses the influence of legal succession of the former Russian Empire property on the Soviet-Chinese relations in the 1920s and on

the legal status of the Russian emigration. The paper focuses on the legal status of the KVZhD and on the process of transferring the buildings of the former Russian consulates and missions of the Russian orthodox church to the Soviet authorities.

KEYWORDS: Russian emigration, KVZhD, international politics, diplomacy.

* Nazemtseva Elena Nikolayevna, Ph.D. (History), the Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of Armed Forces of the Russian Federation, Moskow, Russia; E-mail: elenanazz@mail.ru